

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Юзефович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стоянов.

Главная контора газеты в Харькове, на Московской улице, в доме Императорского Университета, № 7, при "Публичной Библиотеке" Александра Александровича Юзефовича, принимает подписку и объявления; открыта в будни от 9 час. утра до 7 час. вечера, а в воскресные и праздничные дни от 11 до 4 час. дня.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 54.

ХАРЬКОВЪ, ЧЕТВЕРГЪ 26 Февраля (10 Марта) 1881 года.

ГОДЪ I.

Редакция газеты помещается в г. Харькове, в Петровском переулке, № 1; для личных объяснений по делам газеты открыта ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 2 до 8 час. дня. Статьи, доставляемые без означения условий, признаются бесплатными. Статьи и корреспонденции, присылаемые в Редакцию, должны быть за подписью и с адресом автора.

ОТДЕЛЬНЫЕ ЛЕГЪ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, 1881 ГОДА.

Изданіе А. А. Юзефовича, подъ редакціею А. Н. Стоянова,
при ближайшемъ участіи Л. Е. Владимірова.

„Южный Край“ будетъ выходить въ форматѣ газетнаго листа ЕЖЕДНЕВНО,
а въ понедѣльники и дни послѣпраздничные въ размѣрѣ полулиста.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

Телеграммы. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики, литературы, науки, искусства и общественной жизни. III. Дѣйствія правительства. IV. Внутреннія извѣстія: а) городская и земская хроника, б) корреспонденція. V. Обзорные газеты и журналы. VI. Политическое обозрѣніе. VII. Вѣщанія корреспондентовъ. VIII. Слѣски. IX. Вырѣзки хроника. X. Календарь. XI. Справочныя свѣдѣнія. XII. Судебная хроника. XIII. Фельетонъ научный, литературный и художественный. XIV. Объявленія.

Условия подписки:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣсѣцъ.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкой	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 40 „
Съ перес. погород.	12 „ 50 „	7 „ 50 „	4 „ 50 „	1 „ 60 „

Допускается разсрочка въ платежѣ за годовую экземпляръ по соглашенію съ главной конторой газеты.

Подписываться можно на всѣ срочи не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждаго срокъ простирается не далѣе какъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотеке“ А. А. Юзефовича; ТАМЪ ЖЕ принимаются ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ—въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Мартина и „Новое Время“; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. И. Мамонтова и въ книжной и газетной торгѣвѣ И. И. Шапошникова; въ Нижнѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Федорова; въ Одесѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Вилана; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Родевича.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ—у Navas, Lafite et Co, 8 Place de la Bourze; въ Москвѣ—въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровкѣ, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ—въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ—въ варшавскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ Гг. подписчиковъ сообщать о неаккуратной доставкѣ газетъ.

ХАРЬКОВСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНКЪ.

(основанъ въ 1868 г.).

Биллотный капиталъ 1.000.000 р. — к.
Занесенный капиталъ 209,140 „ 28 „

УПЛАЧИВАЕТЪ ПО ВЛАДАМЪ:

До востребованія	5%
На срочи до 1 года	5 1/2%
На срочи два года и болѣе	6%
По текущимъ счетамъ	4%

Выдаетъ ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ и товаровъ.
Учитываетъ векселя.
Переводитъ въ разные города Имперіи денежныя суммы.
Принимаетъ на комиссію для полученія векселя, писаннаго на русскую или иностранную валюту.
Исполняетъ порученія по покупкѣ и продажѣ разнаго рода цѣнныхъ бумагъ пренебреженіемъ же: государственныхъ, гарантірованныхъ правительствомъ и казенныхъ листовъ мѣстныхъ земельныхъ банковъ.

Адресъ телеграфомъ и почтою: Харьковъ, Торговый Банкъ.

На Конторской, домъ № 8,
продается ПАРА 5-ти вершковыхъ
МОЛОДЫХЪ СЫРЬХЪ ЖЕРЕВЦОВЪ
Хрбновскаго завода за 1,200 рублей
серебромъ, заѣзжены въ дышло и по
одиночкѣ. 10—5

СОДЕРЖАНІЕ:

Ветеринарное дѣло въ Россіи, К. В. Т.

Телеграммы (отъ спеціали. корресп. „Южнаго Края“).

Жесткая хроника: Иссаждованіе воды городского водопровода.—Цѣль въ редакціи.—Публицистическія лекціи проф. В. К. Налдера.—Изъ записной книжки репортера.

Внутреннія извѣстія: Письмо въ редакцію изъ Екатеринбургскаго.—Лекція объ исторіи воздухоплаванія.—Слѣхи о новыхъ назначеніяхъ.—Письмо бывшаго управляющаго III отдѣленія.—Банковское дѣло.—Изъ Ялты.—Изъ Киева.

Обозрѣніе газетъ и журналовъ.
Политическое обозрѣніе.
Календарь.
Справочныя свѣдѣнія.

Исторія открытія школы въ деревнѣ Александрѣвкѣ, Михайловской волости.

(Окончаніе *).

24-го августа.

Казалось бы, что чапа терпѣнія должна была переполниться и послѣ принадлежавъ отчаянію и равнодушію, должевъ былъ бы появиться протестъ. Но у меня выходитъ иначе: какъ быда охватываетъ одушевленіе и мужество чѣмъ болѣе препятствій впереди и еще привлекательнѣе и желаннѣе кажется ему побѣда, такъ и я, минутомъ мнѣ кажется, что я не любила бы такъ эту школу, если бы она не далась мнѣ съ такими страданіями, что устраивать дѣло при благоприятныхъ условіяхъ не диво, нѣтъ, ты вѣдь знаешь его тогда, когда все противъ тебя, и въ результатѣ получается уверенность въ своей настойчивости, преданности и силѣ. Мое мнѣніе должно состоять не въ томъ, чтобы обратиться вспять и съечь корабли, а въ томъ, чтобы остаться на полѣ битвы, выиграть сраженіе, создать образцовую школу и доказать, что была права я, а не г-да П.—вы.

Вотъ что писала я вчера одному изъ своихъ знакомыхъ, бѣжавшему съ поля битвы общественной дѣятельности, въ деревню и погрузившаго тамъ „въ дремоту жизни праздной“, что мнѣ однако не мѣшаетъ уважать въ немъ человека умнаго и честнаго.
„Вы обвиняете меня въ томъ, что“
*) См. газету „Южный Край“, № 53.

я отказываюсь отъ газетныхъ статей и, приглашая защищать Спасовича, въ глубинѣ души, не желаю даже его защиты. Прежде чѣмъ обвинять меня въ этомъ, выслушайте мои доводы: я знаю, что людей готовыхъ протестовать, обличать и пререкаться гораздо болѣе чѣмъ людей желающихъ разболтать, во что бы то ни стало, дѣлая дѣло, общественное дѣло, въ которое они вѣрятъ, котораго они предвидятъ будущность. Я не берусь судить кто болѣе служитъ обществу, кто полезнѣе, кто заслуживаетъ большаго уваженія, болѣе симпатіи, а чувствую только себя принадлежащею ко 2-й категоріи. Выходя изъ этого положенія, я не хочу быть на скамьѣ подсудимыхъ по школьному дѣлу, я не хочу дать восторжествовать злоязычію г-дъ П.—выхъ, я не хочу набрасывать тѣни на мою прошлую педагогическую дѣятельность, я не хочу быть причисленною къ лику недовольныхъ и протестующихъ, я не хочу минутнаго торжества идеи и привлекательнаго мученическаго вѣнка—невинно пострадавшей, купленной цѣною возможности дѣлать дѣло!

Говорятъ, что дѣло передается въ окружной судъ. Мировой судья наполнилъ его себѣ неподсуднымъ и передалъ судебному слѣдователю.

Извѣстный адвокатъ С. говоритъ, что онъ самъ желалъ бы быть подсудимымъ по такому дѣлу, что такія дѣла слѣдуетъ раздувать, а не тушить, что онъ бесплатно пріѣдетъ защищать его. Изъ Петербурга мнѣ предлагаютъ

Фельетонъ: Исторія открытія школы въ деревнѣ Александрѣвкѣ, Михайловской волости, (окончаніе), X. Алевсевичъ.

Ветеринарное дѣло въ Россіи.

Независимо отъ постоянныхъ неутоляемыхъ, служащихъ главнѣйшею причиною чрезвычайнаго упадка экономическаго благосостоянія народа, его преслѣдуетъ также другое несчастье, не менѣе подрывающее его интересы, какъ и первое—это появленіе различнаго рода эпизоотій (какъ напиримѣръ чума рогагого скота), которыя уносятъ съ собою громадное количество жертвъ.

Появленіе чумы рогагого скота—этого, по истинѣ, страшнаго бича, потрясающаго въ самомъ основаніи благосостояніе всего скотоводства Россіи, не только является главнѣйшимъ тормозомъ въ дѣлѣ разведенія и улучшенія скотоводства, но и способствуетъ окончательному паденію этой основной части сельскохозяйственной промышленности, а выхлѣстъ съ тѣмъ влечетъ за собою большое количество неимовъ и почти поголовное разореніе крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскія, лишившія послѣдняго дорогаго для него достоянія—домашнихъ животныхъ, остаются въ самомъ невыгодномъ, въ самомъ жалкомъ положеніи: пахать нечѣмъ, косить другое не на что, значить, остается одно—отдать землю въ аренду, хотя бы за безцѣнокъ, а самому съ семействомъ идти въ батраки. Незавидно также положеніе и нашихъ помѣщиковъ, большая часть которыхъ боится заводить хорошия скоты изъ опасенія чумы. Вотъ почему у нашихъ хозяевъ очень рѣдко у кого есть хорошия скоты, или—лучше сказать—хорошаго вовсе нѣтъ, да и трудно думать о немъ, при томъ недостаткѣ, который ощущается въ настоящее время въ ветеринарной помощи. Да, въ недостаткѣ, въ одномъ недостаткѣ ветеринарной помощи и коренится главная причина неудовлетворительнаго, плачевнаго, жалкаго состоянія нашего скотоводства, этой важной составной части народнаго благосостоянія.

Не подумаешь читатель, что я хочу этимъ сказать, будто въ Россіи чувствуется недостатокъ въ спеціалистахъ этого дѣла—ветеринарныхъ врачей. Это было бы крайне несправедливо, должно въ настоящее время у насъ быть большое количество ветеринарныхъ врачей, которые, по недостатку мѣстъ, сидятъ безъ всякаго дѣла, забывая о томъ, для изученія чего они потратили лучшіе годы своей юности въ стѣнахъ институтовъ. Эти свѣзды, здоро-

выя силы, которыя съ пользою могли бы трудиться и примѣнять свои знанія для блага народа, живутъ только ожиданіемъ хотя какого-нибудь мѣстечка и за первое попавшееся хватаются, подобно тому, какъ утопающій хватается за соломинку.

Говоря же о недостаткѣ ветеринарной помощи, я хочу указать на то, что въ Россіи слишкомъ мало официальныхъ должностей, вслѣдствіе чего является полнѣйшее незнакомство не только болѣе части народнаго массы, но и общества болѣе или менѣе интеллигентнаго съ этой полезною и въ высшей степени благотворною спеціальною помощію, какъ ветеринарній, польза которой не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Результатомъ такого незнакомства является узкій, неправильный взглядъ на ветеринарную медицину.

Впрочемъ, что касается народнаго масса, то мы, конечно, и не вправе требовать отъ нея здраваго и разумнаго взгляда на ветеринарію: нашъ народъ, по своей неравности, малообразованности, находится въ понятіяхъ чуть ли не каменнаго царства не только относительно ветеринарній, но и медицинской помощи вообще. Среди нашего народа есть много грубыхъ предрассудковъ и пелѣныхъ суевѣрій, отъ которыхъ онъ никакъ не можетъ отрѣшиться вполне и которые рѣшительно мѣшаютъ правильному, разумному веденію его дѣла.

Ослѣпленный этими суевѣрїями и предрассудками, нашъ народъ до сихъ поръ не можетъ понять всей безтолковности и ничтожества въ дѣлѣ лѣченія пагубной воды и знахарскихъ напостынахъ, которыя онъ ставитъ неравномерно выше ветеринарно-медицинскихъ средствъ. Цѣлебное дѣйствіе которыхъ повсюду и доказано цѣлымъ рядомъ научныхъ изслѣдованій и опытовъ; онъ до сихъ поръ не хочетъ вѣрить истинно—благотворной, полезной дѣятельности ветеринарныхъ врачей, а потому предпочитаетъ правильное, научному лѣченію ветеринарныхъ врачей.

Несомнѣнно, что такіа грубая, дикая воззрѣнія русскаго народа на ветеринарную медицину лишь могутъ способствовать свободному, безпрепятственному распространенію самыхъ губительныхъ изъ эпизоотій. Обнаруживаются, напиримѣръ, чума въ болѣе или менѣе степени, или кака-нибудь другая изъ эпизоотій и слышатъ наши крестьяне за помощью доморощенныхъ, невѣжественныхъ коноваловъ, знаха-

рей, которые, конечно, не замедлятъ появиться и обнаружатъ весь запасъ своихъ знахарскихъ средствъ и цѣлую массу различныхъ предрассудковъ, нисколько не предотвращающихъ чумной эпизоотіи, но лишь способствующихъ болѣе ея увеличенію и распространенію. Такъ часто трупы чумныхъ убитыхъ животныхъ, вопреки всѣмъ научно-гигиеническимъ правиламъ, непременно зарываются въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находится павшій вмѣстѣ съ другимъ, еще живымъ и здоровымъ скотомъ, на основаніи существующаго у народа суевѣрія, что этимъ прекратится дальнѣйшая смертность между ихъ скотомъ.

Подъ влияніемъ такихъ ненормальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма благоприятныхъ къ распространенію эпизоотій условій, которыхъ можно считать цѣлую массу, эпидемическія болѣзни принимаютъ ужасно опасныя формы и когда уже прекращеніе ихъ дѣлается труднымъ, даже невозможнымъ, когда всякая ветеринарняя помощь будетъ напрасною, бесполезною тратой силъ и средствъ, тогда только обращаются за помощью къ ветеринарнымъ врачамъ.

Подобныя грустныя явленія совершенно простительны невѣжественной массѣ народа, которая, какъ мы уже замѣтили, по своей малообразованности, неравности, еще не можетъ понимать всѣхъ дурныхъ, губительныхъ послѣдствій, вытекающихъ отъ несвоевременнаго прилженія надлежащихъ мѣръ къ огражденію и предупрежденію распространенія эпизоотій.

Что касается остальныхъ не эпидемическихъ, менѣе губительныхъ болѣзней, то въ этомъ случаѣ ветеринарняя помощь остается всегда на заднемъ планѣ, а совѣты коноваловъ, этихъ народныхъ авторитетовъ, признаются самыми вѣрными, достойными, и ихъ дѣятельность, которая ограничивается только однимъ пусканіемъ крови безъ всякаго разбора, считается самымъ рациональнымъ способомъ лѣченія. Послѣ этого нисколько неудивительно, что нашъ русскій мужичокъ, незнакомый съ дѣломъ ветеринарній, очень часто приводитъ въ жертву повидному самымъ лучшимъ, самымъ ничтожнымъ болѣзненнымъ послѣднее свое животное, составляющее все его богатство, все его достояніе.

Такъ смотритъ на ветеринарную медицину большая часть народнаго массы русскаго государства....

Нисколько не лучше, если не хуже смотритъ на ветеринарное дѣло въ

Россіи и, такъ сказать, болѣе или менѣе образованное общество. Оно видитъ въ немъ какую то грязную, не-благородную и вмѣстѣ съ тѣмъ практически-бездельную дѣятельность, а въ его представителяхъ—ветеринарныхъ врачахъ—людей безтолковыхъ, лишнихъ. Вотъ какой ограниченный, невѣрный взглядъ имѣетъ русское общество на ветеринарію, взглядъ, который не заслуживаетъ самой снисходительной критики....

Наши земства также еще не всѣ настолько зрѣлы, чтобы понять и оцѣнить всю массу услугъ, которыя можетъ принести ветеринарній, при правильной постановкѣ дѣла, для процвѣтанія сельско-хозяйственнаго промысла, а, слѣдовательно, и самаго народа, заботиться о благосостояніи котораго—ихъ долгъ, не только гражданскій, но и нравственный. Правда, многія земства уже сознали пользу и даже необходимость въ ветеринарно-медицинской помощи, вслѣдствіе чего ассигновали суммъ на содержаніе ветеринарныхъ врачей и фельдшеровъ. Но встрѣчается не мало и такихъ земскихъ учрежденій, которыя, руководствуясь какими то чисто личными соображеніями, назначаютъ ветеринарныхъ врачей только тогда, когда является неизбежная необходимость въ дѣлѣ прекращенія эпизоотіи и то, разумеется, послѣ глубокомысленныхъ размышленій и долгихъ проволочекъ. Не мало есть и такихъ, которыя, по своей ограниченности, недалекорукости, находятъ, что содержаніе ветеринарныхъ врачей есть лишній расходъ, безъ котораго они могутъ обойтись, имѣя у себя только ветеринарныхъ фельдшеровъ. Есть, наконецъ, и такіа, которымъ, вѣроятно, никогда не удастся изобрѣсти пороха. Эти земства свое желаніе имѣть ветеринарныхъ врачей мотивируютъ тѣмъ, что ветеринарные врачи нужны лишь только во время чумы рогагого скота, а такъ какъ они не всегда удачно ее лѣчатъ, а иногда, особенно когда она является чрезвѣрно запущенною—что часто случается въ подобныхъ земствахъ—и совсѣмъ не лѣчатъ, то они и не нужны земству. Такой примѣръ подало намъ самое юное, самое молодое на Руси земство.

Послѣ всего сказаннаго нами становится яснымъ, что положеніе ветеринарныхъ врачей въ Россіи самое жалкое, самое несчастное. Правительственныхъ должностей, повторыю, слишкомъ мало, притомъ онѣ обставлены такими скудными гарантіями, что ветеринарному врачу приходится болѣе заботиться о подысканіи средствъ,

покаивали меня предположеніемъ, что судъ надо мною будетъ происходить у нихъ въ домѣ, какъ это не разъ уже бывало, но мнѣ казалось, что это еще стыднѣе. Тѣмъ не менѣе мы велѣли повернуть лошадей къ дому Мюковичъ. На встрѣчу меня, точно желая скорѣе вырвать меня изъ бѣды, бѣжала растрепанная и въ утреннемъ неглиже добрышняя Екатерина Александровна. Завидѣвши меня, она стала махать руками, точно боясь, что я минутой ихъ доми, или заподозро, что они покинули меня въ бѣдѣ. Это было уже выше моихъ силъ, я зарыдала и, рыдая, вошла къ нимъ въ домъ. Меня силмились утѣшить, успокоить—ничто не помогало. Наконецъ, въ залѣ послышались шаги и въ комнату вошелъ судебный слѣдователь. Не знаю, какъ это случилось, но я мигомъ перестала плакать и почувствовала вдругъ такой приливъ сознанія собственнаго достоинства и гордости, что совершенно твердо послѣдовала за нимъ на его приглашеніе въ залу. Мы съли другъ противъ друга. Судебный слѣдователь не безъ юпитерскаго величія началъ со слѣдующаго: „Ваше дѣло—это первое дѣло въ моей юридической практикѣ такого рода характера, а поэтому я, какъ молодой юристъ, считалъ необходимымъ посоветоваться въ этомъ случаѣ съ моими товарищами—юристами, болѣе опытными, чѣмъ я. Съ этою цѣлью я побывалъ въ окружномъ судѣ и послѣ продолжительной консультаціи мы рѣшили предложить вамъ слѣдующій вопросъ,

я ему скажу и какъ все это будетъ и чѣмъ кончится? Все это вопросы, отвѣты на которые никто не можетъ предвидѣть.

6-го сентября.

(Опять въ деревнѣ).

Д. Алексѣевичъ.

Мнѣ кажется, что въ жизни моей я никогда не присутствовала при такомъ торжествѣ какъ сегодня. Хотѣла заснуть и не могу—передъ глазами все та же картина: священникъ въ свѣтлой рясы съ крестомъ въ рукахъ, за нимъ толпа дѣтей веселыхъ, нарядныхъ, какъ на свѣтлый праздникъ, за ними толпа народа, благоговѣнно идущая за всей этой процессіей, все это движется къ только что заложеному зданію. Солнце ярко освѣщаетъ всю эту картину, а въ ушахъ раздаются дѣтскіе голоса: „Спаси Господи люди твои!“....

Народъ собрался со всѣхъ окрестныхъ деревень и не одинъ народъ, а всѣ сосѣди и близкіе и дальніе, всѣ они знали какую цѣною купила это торжество и казалось соплие порадоваться моей радости. Мы заявили всѣмъ и каждому, что не можемъ принять болѣе 40 дѣтей, пока выстроится настоящая школа, а намъ привели 60. Разумеется старымъ пріятелямъ было отгдано предпочтеніе, добавили 10 выхъ изъ болѣе взрослыхъ дѣтей, а 20 записали на весну.

7-го сентября.

(Изъ деревни въ городъ).

Станція Пнаптовка.

Я почти не спала эту ночь—кар-

тине радости сибирякъ тяжелымъ ожиданіемъ утра и вызова судебного слѣдователя. Въ 8 ч. я была уже готова въ отъѣздъ въ Михайловку, а въ половине 9-го подъѣжала къ волостному правленію, къ тому самому волостному правленію, гдѣ судятъ коноваловъ и мошенниковъ. Нервы мои были въ высшей степени напряжены, но я силмилась удержаться отъ слезъ, уговаривая себя, что плакать постыдно. Ночью, впрочемъ, я написала заявленіе, и именно на случай слезъ и невозможности высказать дѣла какъ слѣдуетъ. Это заявленіе-экспромптъ лежало у меня въ кармапѣ, такъ какъ есть—непереносимое даже, впрочемъ въ немъ не встрѣчалось ни одной помарки, такъ научили меня писать дѣловыя бумаги въ Славяносербскѣ.

